

Ю. В. НЕСТЕРОВИЧ (Минск)
О РАЗЛИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ И ПУБЛИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Разработке темы археографии как социокультурного феномена в последние годы уделяется значительное внимание, прежде всего, российскими учеными. Однако адекватного подхода, который бы позволил непротиворечиво и последовательно объяснить археографию как составную часть общественной жизнедеятельности и как феномен культуры, не выработано. Такое объяснение затрудняется и существующей нечеткой дифференциацией археографии как научной дисциплины и как части общественной жизнедеятельности, дисциплинарного и социокультурного («общественного») статуса археографии. С одной стороны, раскрытие темы археографии как социокультурного феномена предполагает социологический и культурологический анализ. С другой — при таком анализе следует исходить из установленного в рамках археографии различения археографии как научной дисциплины и археографии как археографической работы, взятой вместе с деятельностью по ее проведению и археографическими знаниями.

Российский ученый И. И. Глебова, декларируя в сборнике научных работ, вышедшем на Украине, тему дисциплинарного статуса археографии, разрабатывает главным образом другую тему — социокультурного («общественного») статуса ее. Эссенцируя взгляды некоторых советских и современных теоретиков археографии (С. Н. Валка, С. О. Шмидта, В. П. Козлова, Г. И. Королева), она утверждает, что «в историографии намечен подход (но еще не оформилось теоретическое направление), позволяющий оценить общественный статус археографии» [1, 58]. Однако из приведенных ею определений перечисленных ученых, на наш взгляд, только определение Королева археографии как рода культурной деятельности [2, 28] вполне приемлемо оценивать как попытку установления общественного статуса археографии (причем Г. И. Королев ограничивает такое установление рассмотрением только «культурологического» (без социологического) статуса археографии, что не остается не замеченным Глебовой [1, 88]). В высказываниях других перечисленных классиков археографической мысли скорее рассуждается о значимости археографии для общества, вкладе в культуру, о культуре публикаций, а не об общественном статусе археографии.

Прежде чем перейти к рассмотрению социокультурного статуса археографии, затронем вкратце дисциплинарный состав археографии. Дифференцируем понятие дисциплинарного статуса области исследований (области научного познания) на понятия эпистемологического и науковедческого ста-

тусов. Установление эпистемологического статуса — обоснование некоторой области исследований как самостоятельной (комплексной либо стандартной) либо вспомогательной дисциплиной. Установление науковедческого статуса — отнесение ее к определенной отрасли науки (системе научных дисциплин), к примеру исторической, сельскохозяйственной, либо к конгломерату наук, например, к естественным, техническим. Эпистемологический статус археографии сегодня сомнений не вызывает (науковедческий статус: историческая либо историко-филологическая дисциплина — требует уточнения). Археология — самостоятельная область исследований — специальная, но не вспомогательная (в отличие, к примеру, от метрологии, хронологии), поскольку в ее рамках не только разрабатывается методика публикации исторических документов (археологических материалов), но и изучается история археологических публикаций (изучается не в рамках историографии), изучается археология как социокультурный феномен (изучается не в рамках ряда теоретических дисциплин).

И. И. Глебова применяет историко-археологический подход при обосновании археографии как социокультурного феномена. Проведенный ею «анализ исторического пути и современного состояния археографии» позволяет сделать некоторые выводы, а именно: при выявлении общественного статуса археографии следует исходить не только из идеи стадийности исторического познания, а и из факта социальности, «встроенности публикаторской деятельности в процесс освоения и представления прошлого» [1, 86].

Отталкиваясь от вышеприведенной установки, И. И. Глебова приходит к выводу, что «археография есть одно из средств отбора, передачи, сохранения исторической памяти общества. В этом смысле она выполняет самостоятельную социокультурную функцию, будучи не узкой, прикладной сферой, а самоценной составляющей общественной культуры, социальной жизни. Археография представляет собой один из каналов взаимодействия исторической науки и общества, проникновения общественных влияний в профессиональную корпорацию историков, а также способ формирования исторического сознания общества» [1, 87].

Тезис об археографии как способе формирования исторического сознания общества значительно ослабится тем контраргументом, что сегодня общественное сознание формируют в значительной степени неархеографические и «неполноценно» археографические публикации исторических источников, заполнившие СМИ. При вышеприведенном истолковании археографии ее общественный статус остается довольно-таки неопределенным. Под археографией Глебова понимает «практическую деятельность по публикации исторических источников» и специальную дисциплину, занимающую «особое место среди гуманитарных наук» [1, 60, 58]. Ясно, что такая практи-

ческая деятельность, как, впрочем, и соответствующая ей научная дисциплина, не может формировать общественное сознание. Источником формирования общественно-исторического сознания выступают археографические и неархеографические публикации исторических источников. При рассмотрении археографии как социокультурного феномена выделяема прежде всего такая форма культуры, как археографическая публикация.

Тезис об археографии как канале взаимодействия неадекватен. Не ясно, понимается ли под археографией научная дисциплина, либо соответствующая практическая деятельность, либо археографическая публикация. Но если и внести здесь определенность, то теоретическое построение от этого не станет более точным. Обосновывать эти образования в качестве канала взаимодействия неадекватно. Построим высказывание, аналогичное обосновываемому И. И. Глебовой: изготовление станков и оборудования — канал взаимодействия экономики и общества.

Историки и архивисты, будучи археографами, доводят до общественного сознания сведения, данные исторических источников через археографическую публикацию, сообщая в ней информацию о тексте, авторах источников и т. д. Адекватным будет обосновывать тезис об археографии как сфере общественной деятельности, выступающей каналом взаимодействия архивистов, историков с широкими слоями общественности. Сфера деятельности, в отличие от деятельности, включает, кроме деятельности, на наш взгляд, и субъект деятельности, а также и область приложения этой деятельности (определенные учреждения).

Российский ученый В. П. Козлов, разрабатывая теоретические основы археографии, рассуждает о взаимодействии с общественным сознанием не археографии, а документальной публикации (это адекватное построение), уточняя, что «любая документальная публикация представляет собой особым образом организованную выборку документов из всех сохранившихся их совокупностей...». Он обосновывает документальную публикацию как «феномен нового знания о прошлом», как «вторжение» в прошлое и как «познание» прошлого [3, 28—32]. При изложении темы «вторжения» документальной публикации в прошлое у Козлова субъектом вторжения предстает даже не документальная публикация, а документ: «Документ в публикации всегда как бы «вторгается» в прошлое. Его публикация ведет либо к повторению, либо к приращению ранее полученного знания» [3, 31]. Безусловно, взятый в гносеологическом и эпистемологическом плане тезис о «вторжении» документа в прошлое — представляет собой «сильный» тезис. Но нас здесь интересует другое, а именно: как преподносится ученым археография как социокультурный феномен. Исходя из изложенного В. П. Козловым в статье о теоретических основах археографии, она предстает и в социальном, и

культурном аспектах как документальная публикация и отчасти — как научная дисциплина. Такая социокультурная трактовка археографии, будучи предварительным соображением, недостаточно соответствует понятийному аппарату социологии и культурологии.

При разработке темы археографии как социокультурного феномена мы считаем оптимальным применять социологический и культурологический анализ (анализ, осуществляемый в соответствии с понятийным аппаратом социологии и культурологии) на основе деятельностного подхода. В отличие от И. И. Глебовой другой российский ученый А. Д. Степанский четко определяет статус археографии: археография — область культуры [4, 18]. Правда, неясно, на основе какого подхода он устанавливает такой статус. Культурологически явления рассматриваются на основе понятий вида, формы, явления культуры (см.: [5, 17, 19]), но не области культуры. Выделение области культуры как таксономической единицы не только недостаточно определено, но и, на наш взгляд, в определенной мере противоречиво. Ясно, что Степанский не применяет последовательно понятийный аппарат культурологи и социологии при анализе археографии как социокультурного феномена. Оценим устанавливаемый им статус археографии (область культуры) как первичную аппроксимацию определения социокультурного статуса археографии.

Российский философ и эпистемолог В. С. Степин утверждает: «Программы деятельности людей, поведения и отношения составляют корпус культуры... В своей совокупности и динамике они создают исторически накопленный опыт» [6, 310]. Если исходить из положения, что формы культуры (не культура) — это формы накопления и трансляции опыта общественной жизнедеятельности людей, то в соответствии с ним и археографическую публикацию (но не археографию) следует рассматривать как одну из таких форм.

Вместо выдвигаемой А. Д. Степанским формулы: археография — наука о публикации архивных документов [4, 117], оптимальным будет утверждать, что археография (как научная дисциплина) — это область знаний, связанная с изучением публикаций археографического материала (но не документов, не источников). Поскольку в рамках археографии те предметы деятельности людей, которые в источниковедении, документоведении, архивоведении рассматриваются как исторические источники, документы, архивные документы, следует рассматривать как археографический материал.

М. Ф. Шумейко, рассмотрев условия и некоторые аспекты современного осуществления археографической деятельности, пришел к выводу, что «...публикация документов вполне оправданно выделилась в специфический вид научной деятельности» [7, 94]. Точнее будет характеризовать эдиционную археографическую работу как научно-вспомогательную, а не научную деятельность. Вместе с тем в данной Шумейко формулировке содержится весьма

адекватная идея о том, что археографическая работа является разновидностью прикладной научной деятельности. Такое обоснование археографической деятельности целиком соответствует науковедческим построениям, в частности, внесенной в п. 3 Закона «О научной деятельности в Республике Беларусь» классификации (видологии) научной деятельности, согласно которой одним из видов ее является «проведение фундаментальных и прикладных научных исследований» [8].

Учитывая, что понятие научной деятельности — науковедческое понятие, будем рассматривать трактовку археографической деятельности как разновидности прикладной научной работы (вариант: трактовку публикации исторических документов как специфического вида научной деятельности), как науковедческую трактовку. Но нас интересует и социологическая трактовка археографической деятельности, которая определенно отлична от науковедческой.

При деятельностном подходе к изучению общественных явлений в рамках социологии адекватно классифицировать их через понятия социального института, социальной организации, социального учреждения, общественной деятельности и сферы общественной деятельности. Выделение последнего понятия обусловлено тем, что в обществе широко распространена комплексная деятельность, осуществляемая разного рода субъектами. К такой деятельности относятся, кроме археографии, машиностроение, альпинизм, туризм, горное дело, архивное дело. Если, к примеру, создание и поддержание надлежащих температурно-влажностных условий хранения архивных документов — это конкретная деятельность, социологический анализ которой не востребован, либо во всяком случае — не предполагает и не требует выделения отдельной сферы деятельности, то анализ комплексной деятельности, какой является археографическая деятельность, осуществляемая разного рода субъектами — историками и архивистами, предполагает такое выделение.

В заключение заметим, что теоретики археографии при рассмотрении темы археографии как социокультурного феномена исходят из положения об археографии как исторической дисциплине. Безусловно, такая точка зрения сегодня превалирует. Но имеется в научной литературе и точка зрения на

археографию как историко-филологическую дисциплину (последовательно такую точку зрения проводит российский ученый В. А. Черных [9, 10]). Ее тоже следует учитывать в построениях.

Таким образом, следует различать: понятия археографической деятельности как комплекса работ по поиску, описанию, подготовке к публикации исторических документов, эдиционной археографической работы как подготовки к публикации исторических документов в соответствии с нормами, вырабатываемыми археографией, востребованные в рамках (теории) археографии;

понятие эдиционной работы (деятельности) как разновидности прикладной научной деятельности, востребованное в рамках науковедения; понятие (сферы) публикационной деятельности как сферы общественной деятельности, и востребованное в рамках социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глебова, И. И. Археография: попытка определения дисциплинарного статуса / И. И. Глебова // Архивознавство. Археографія. Джерелознавство: міжвідомчий наук. зб. Вып. 7. Архівна наука та наука в архівах. К., 2005.
2. Козлов, В. П. Теоретические основы археографии с позиций современности / В. П. Козлов // Отечественные архивы. 2001. № 1.
3. Королёв, Г. И. Археография: учеб. пособие / Г. И. Королёв. М., 1996.
4. Степанский, А. Д. Археография — наука о публикации архивных документов / А. Д. Степанский // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего. Междунар. науч. конф., 26—27 нояб. 1997 г.: доклады и тезисы научных сообщений. М., 1997.
5. Рождественский, Ю. В. Ведение в культурологию / Ю. В. Рождественский. М., 2000.
6. Степин, В. С. Культура / В. С. Степин // Новейший философский словарь / под ред. А. А. Гришанова. Минск, 1998.
7. Шумейко, М. Ф. О роли и месте археографии в ряду специальных исторических дисциплин источниковедческого цикла / М. Ф. Шумейко // Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск, 2002. Вып. 1.
8. Вєдамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. 1996. № 34.
9. Черных, В. А. О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин / В. А. Черных // Советские архивы. 1976. № 6.
10. Черных, В. А. Еще раз об объекте и предмете археографии / В. А. Черных // Отечественные архивы. 2001. № 3.